поламъ.—„Вотъ, Алёшка, третья загадка: „*зело́ зело́мъ* убилъ! Пушай она попро́буетъ, отгада́етъ!"

6. Пріѣзжаютъ въ тотъ городъ. Пріѣхали,—ешо очередь до нево человѣкъ съ сотню есь: ихъ такъ много набилось, всѣ зага́дываютъ. У всѣхъ отгадывала. Онъ подошолъ.—„Ты,—слышь:—што, рогоженной баринъ? (Онъ въ рогожѣ былъ). Загадывай!"

„Я у озера начевалъ. Умылся утромъ не водою и не росою, утёрся полоте́нъцемъ не тка́нымъ и не бранымъ".—Она бѣгала, бѣгала, отгадать не могла. — „Ето,— слышь:— Алёшка скажетъ".—Онъ ужъ опять обьясня́тъ ей тихонько. Бѣжитъ.—„Отгадала! Вотъ такъ и такъ!"—„Нѣтъ,—слышь:—каналья! Алёшка разсказалъ, сто рублей получилъ сь тебя!"

„Вторую загадывай!"—„Изъ добра́ добро́мъ и выгналъ".—Бѣгала, бѣгала, отгадать тоже не могла. Алёшка ей сказалъ.

„Третью!" — „*Зело́* зело́мъ убилъ".—Она отгадывать по кьнигамъ, а онъ сдѣлалъ наперёдъ на пра́ктикѣ. Она вышла, говоритъ: „Теперь всѣ отгадала!"—„Нѣтъ,—слышь:—если бы Алёшка не сказалъ, триста рублей не на́жилъ, такъ тебѣ бы сроду не отгадать!"

Въ силу необходимости вышла за нево за́мужъ.

---

54. [Ловкій воръ].

1. Былъ адинъ купецъ. У етова купца только былъ одинъ сынъ. А онъ [купецъ] такой былъ богачъ, што на́ пять лавокъ торговалъ: въ четы́рехъ прикашчыки, а въ пя́той сынъ сидѣлъ.

Вечеромъ деньги приносютъ ему прикашчыки и сынъ; вотъ онъ сидитъ подсчитывать, а сынъ всё сидитъ. Сидитъ и говоритъ: „Што за ака́зія! Гдѣ это тятька съэстоль денегъ на́бралъ? Если бы онъ рабата́лъ, такъ у нево бы ноги болѣли; а если бы воровалъ, такъ навѣрно бы подъ суда́мъ находился!"—А ему хочетца самому такой капиталъ составить. —„Гдѣ,—слышь:—доста́ну?"

Думалъ, думалъ и придумалъ: „Лучше ходить воровать! Какъ есьли я пойду воровать, ну, попаду́ подъ судъ,—тя́тька бога́той, вы́купитъ!"

2. Утромъ выходитъ на рынокъ, пошолъ по лавкамъ — у тово деньги украдётъ и у другова. Попалъ онъ подъ судъ. Отецъ ево выкупилъ. Ну, такъ и на слѣдующой разъ попалъ подъ судъ,—отецъ опять ево выкупилъ. Въ трётей разъ попалъ, отецъ ево выкупилъ и прогналъ.

3. Ну, пашолъ и ушолъ въ другой городъ. Приходитъ въ городъ къ вёчеру, ста(о)йтъ на мосту. *Вразъ* бѣжитъ — апаздалъ—салдатъ за мясомъ. Онъ говоритъ: „Ты, салдатикъ, куда?“—„Побѣжалъ,—слышь:—за мясомъ“.—„Не пусьтишь ли меня переначевать?“—„Такъ што? —слышь:— Милосьти просимъ!“ — Пришли, сьдѣлали *пельмени*, стали ужинать. Купеческій сынъ купилъ винишка. Поужинали, выпили ладомъ. — „Ну, теперь надо спать!“

Онъ проснулся ночью и говоритъ: „Хазяинъ, ставай!“— Хазяинъ сталъ.—„Сказывай, здѣсь у ково больше денёгъ?“— „У нашево ḥосударя денегъ много въ кладовой, только у нево есь такой человѣкъ: хто — слышь: — иголку украдётъ, онъ и то узнаетъ!“—„Ничево,—слышь:—пойдёмъ!“

Пошли. Стѣну проломали, бочёнокъ съ золотомъ утасшыли. Государь поутру стаётъ: — „Всё ли у насъ сохранно?“—„Никакъ нѣтъ! Въ кладовую стѣну проломали, бочёнокъ съ золотомъ утасшыли“. — „Какъ жо?.. Хто?“ — „Это не извѣстно! Знахарь ешчо лучше меня!“

4. „Надо думу думать!“—И придумали: поставить чашу, въ неё налить смолы, подъ неё наклась жару, а стѣны не закладывать: будьто какъ не догадались.—Такъ и сдѣлали.

На вторую ночь онѣ опять пошли. Хазяину и сдѣлалось антересно бочёнокъ съ золотомъ утасшыть. Коḥда подошли,— „я,—слышь: —вчерась лазалъ (купеческій сынъ говоритъ), а севодни, салдатъ, ты полѣзай!“ — Палѣзъ; руки у нево сорвались, онъ упалъ, въ етотъ чанъ прямо и по(а)палъ.

Тотъ подождалъ, подождалъ, — нѣтъ ево долго. Потомъ посмотрѣлъ, што тотъ упалъ,—онъ вытасшылъ, отсѣкъ ему голову, а тулово опять спусьтилъ въ чанъ. Приходитъ домой.—„Ну,—слышь:—хозяйка! вотъ тебѣ отъ мужа го(а)ло(а)ва. Подёшь на меня просить, ничево тебѣ не будетъ; а станешь жить какъ слѣдуетъ, то мы съ тобой поправимся!“—Она ничево не сказала.

5. Утромъ тамъ стаютъ, говорятъ: „Ну, што?—Папалъ!“ слышь.— Пришли; вытасшыли руки и ноги и туловисшо, а

головы нѣтъ. — „Если бы голова-та была, такъ мы бы и узнали; а головы-то нѣтъ, такъ мы и не знамъ, хто такой!.. Што же теперь станемъ дѣлать?“ — „Взять салдатъ, да отправить ево на плóшшадь: хто не станетъ ли изъ родныхъ ревѣть. Мы ево узнáемъ“.—Такъ и сдѣлали.

Этотъ самой мошéнник'отъ, онъ утромъ стаётъ, на плóшшать выѣзжаетъ, смотритъ: вотъ онъ. Поѣхалъ дальше. Назадъ пріѣхалъ:—„Господа, это што у васъ такое?“—Солдаты ему обсказали. — „Эхъ, какое тирáнство! У насъ, — слышь: —нѣтъ етова, въ нашей державѣ!... Вотъ вамъ, бѣдьнáги, нáте на бутылочку! сходите, выпейте!“ — Въ другой разъ заѣхалъ, опять имъ далъ на водку.

Они, ка(о)нечно, напилúся. А онъ въ этотъ моментъ усыпѣлъ сьѣздить въ манастырь и укралъ у двухъ манаховъ [?] платье, а у игýменьши тóже. Солдаты, конечно, напилúсь пьяные и уснули; пріѣзжаетъ, — они спятъ. Онъ взялъ, съ нихъ всё снялъ, на одновó надѣлъ монашеское платье, на другова тоже, а на третьево игýменьшино надѣлъ. А етова туловишшо укралъ и увёзъ до(а)мой. Привёзъ, полóжили въ гробъ; съ ево женой и похоронили.

Утромъ просыпáцца одинъ солдатъ и говоритъ: „Это ты, братъ? Ставай! съ нами манáшка спитъ!“—„Самъ-то ты манашка!“—„*Чо* дѣлать?—Надо пойти, дескать, до hосударя!“— А hосударь любилъ до смéрьти манáшекъ и игуменьшъ. Идутъ; hосударь на балхонѣ стоитъ. Они идутъ,—hосударь и клáняцца: „По(а)жалуйте! па(о)жалуйте!“ — Ани подошли и стали на калéни. — „Это што такое?“ — Вúслалъ узнать. Думали: што случилось въ манастырѣ; спросили.—„Такъ и такъ“.—Онъ велѣлъ ихъ атправить въ астрокъ.

6. Потомъ призываетъ своево губернатора: „Чево станемъ дѣлать?“ — „У насъ дéнекъ много; давай увѣшаемъ казлá всево въ золотúе!“—Дали двухъ салдатъ и офицера— ганять ево по городу: „Если онъ [воръ] увúдитъ, — деньги станетъ брать; мы ево поймаемъ!“

Потомъ онѣ [солдаты] азя́бьли и зашли въ госьтúньницу. Солдаты остались внизý казла караýлить, а постаръше ушолъ вверьхъ—чай пить. Въ етотъ моментъ и онъ [воръ] пріѣхалъ; забѣжалъ прямо кьвéрьху, попросилъ стаканъ чаю. Потомъ и спрашиватъ: „Нѣтъ ли, хазяинъ, — съ кѣмънибудь въ деньги поиграть?“ — Этотъ и выискался, стар-

ше'ётъ. Онъ съ имъ сталъ играть и понемножку проигрывать; а самъ то и дѣло вынисъ, а тамъ всё салдатамъ давалъ на бутылочку. Салдаты, канечьно, спили́ся. Онъ въ етотъ маментъ сгрёбъ казла и уѣхалъ съ имъ. Тотъ схватился—тѣ пья́ны, а казла нѣту.—Съ обьясненіями къ hосударю. Государь велѣлъ ихъ пасадить.

7. „Ну, теперь,—слышь: — *чо* дѣлать?"—Опять призвалъ того.—„Надо по го́роду ходить и нюхать: hдѣ казёлъ не жа́рицца ли?"—Одинъ [солдатъ] забѣжалъ какъ разъ къ етому [къ вору]: казёлъ у нево жарицца. Онъ [воръ] въ этотъ маментъ спалъ на пала́тяхъ. Салдатъ посмотрѣлъ, побѣжалъ сказывать, што вотъ тутъ казёлъ жа́рицца, а на варотахъ написалъ, што вотъ тутъ „казёлъ жа́реной".

Тотъ [воръ] выскочилъ за воро́ты, побѣжалъ по всёй улицѣ, сталъ писать: „Казёлъ жареной", „Казёлъ жареной", „Казёлъ жареной"; на вьсѣхъ домахъ и написалъ. Они *збулга́чься*, прибѣжали въ ту улицу смотрѣть; на вьсѣхъ воро́тахъ: „Казёлъ жареной".—Опять не могли найти ево.

8. Потомъ опять совѣтуютъ: „*Чо* станемъ дѣлать?"—„Давай,—слышь:—балъ!" — Собра́ли коhда балъ, они взяли, да золоты́хъ по́ полу-ту и насы́пали: — „Хто станетъ нагиба́цца-та, тово мы и поймаемъ! Навѣрно ужъ онъ: больше нехто́ не станетъ!"

Когда онъ [воръ] пріѣхалъ, увидалъ,—взялъ, подошвы варомъ намазалъ и по комнатѣ ходилъ. Сколько золоты́хъ нали́пьнетъ, онъ вы́йдетъ, обдерётъ, да опять ва́ромъ натырётъ. Ну, и такъ вотъ все собра́лъ; нихто́ не нагиба́лся—и золоты́хъ не стало.

9. „Ну, теперь што станемъ дѣлать?" — „Надо ужиномъ откорьми́ть да спать до́ма поло́жить!" — Спать легли́; всѣ уснули. Они пошли со свѣчкой смотрѣть по ногамъ; у нево на одни́мъ подбо́рѣ остался золотой, и варъ не усьпѣлъ стереть.

Стоятъ и думаютъ: „Если ево разбудить, всѣ со(а)ско́чутъ, *взбулга́чутъ*, — онъ опять убѣжитъ!" — Взяли, у нево одинъ подборъ оторъва́ли. Онъ услыхалъ, проснулся. Они ушли,—онъ взялъ, у всѣхъ по одному подбору оторва́лъ.

Утромъ всѣ стали и въ претеньзіи: „Для тово насъ оставля́ли, штобы подборъ оторвать?" — Имъ всѣмъ придѣлали новые подборы.

10. Опять начали́ совѣтовать: „Што намъ съ нимъ дѣлать? — Опять надо балъ дѣлать!“ — Сдѣлали опять балъ. Въ особенную ко́мнату въ уголъ насы́пали золота. Внизу кладовая была, а сверьху взяли, западню́ такую сдѣлали— въ родѣ лаву́шки: какъ онъ туда пойдётъ, такъ и упадётъ.

Онъ какъ пріѣхалъ, деньги увидалъ, —немножко погоди́ и отправился. Какъ пошолъ тамъ, поверъну́лся, туда и упалъ. *Чо* ему дѣлать?—„Охъ,—слышь:—упалъ!“ — Потомъ закричалъ [воръ]: „На пожа́ръ! На пожаръ!“—Народъ бросился туда въ ко́мнату бѣжать, одинъ по одному́ вьсѣ и сълетѣли.

Пошли выпускать.—Которой [воръ]?—Опять неизьвѣстно!

11. Потомъ [хозяинъ] завёлъ всѣхъ обратно. — „Господа, хто изъ васъ машеньникъ? винитесь! За та(о)во́ отдамъ сваю до́чи!“—Онъ [воръ] въ арьте́лѣ скричалъ: „Распиши́сь!“ — Ну, онъ расписался. Такъ на ево дочери и овьвѣньча́лся. И капиталъ весь возвратилъ ему. И сечасъ живутъ.

---

55. [Иванъ купеческій сынъ и его невѣста волшебница].

(Разсказалъ Евгеній Ивановичъ Сига́евъ, обыватель Верхняго Кыштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда, 49-ти лѣтъ).

1. Жилъ былъ купецъ. У купца ни еди́нова сына не́ было. Онъ ѣздилъ по ярманкамъ—не до́лго и не ско́ро, года три или четыре. Не замѣчалъ онъ до́ма, што оставалась жена беременная. Но́нѣшной годъ отправляетца въ про́чіе держа̀вы за товаромъ; *та́мока* проторговалъ три го́да, — жена родила́ сына.

Черезъ три года онъ отправляетца домой. Ѣхалъ сухопутьемъ тамъ много ли, ма́ло ле, доста́лось ему ѣхать по̀ морю. День очень былъ жа́рко(а)й; захотѣлось ему почерпнуть воды́. Ево Самъ съ нокоть, борода съ ло́коть, То́кманъ То́кманычъ морской царь схватилъ, взялъ ево и говоритъ, што „аддай, што́ до́ма не знашъ!“—И онъ ему отдава̀лъ всё: самъ себя [?] отдавалъ, и домъ отдава̀лъ, и всё,—„только меня не то(а)пи́!“ „Возьми чево хошь, только меня не шевели́!“—„Роспишись своей рукой!“—Разрѣзалъ свой пальчикъ, рас-